

Сестра Хаос

Вышел последний из романов Б. Акунина о монахине Пелагии

Двухтомником «Пелагия и красный петух» Акунин закрывает только, казалось бы, начатую серию «Провинциальный детектив» — таким образом, мы скоропостижно теряем единственную на всю сегодняшнюю русскую литературу экшн-героиню, в которую при желании можно было бы влюбиться. Если учесть, что предыдущая бумажная девушка, со-поставимая с сестрой Пелагией по части желанности, — энкавэдэшная богиня Настя Стрелецкая, придуманная в 90-е годы предателем родины Виктором Суворовым, — также прожила до обидного недолго, тенденция намечается довольно грустная.

Роман ВОЛОБУЕВ

«Пелагия и красный петух» — первая за последние годы акунинская книга, выходящая в свет относительно тихо: ни тебе давки у касс с требованием не давать более двух штук в одни руки, ни ночных у дверей магазина «Москва» книголюбов, ни смелого бескомпромиссного анализа новинки ведущими культурологами на страницах ведущих изданий. А вот еще совсем уже страшное и небывалое событие: главнейший столичный реестр культурных товаров и услуг — журнал «Афиша», кажется, не отрецензировал ее вовсе. Укрепившись в статусе литературного магната, Акунин вместе с тем почти окончательно утратил любовь пристрастно читающей публики. Случилось это, с одной стороны, вполне заслуженно, с другой — не вполне.

Действительно, несколько вялый предыдущий релиз («Любовник Смерти/Любовница смерти»), довольно-таки отвратительный сериал по «Азазелю» и в целом несколько избыточное присутствие писателя во многих областях культурной и общественной жизни страны разом — все это слегка испортило прежде безупречный акунинский бренд. Вместе с тем нынешнее раздражение в его адрес связано не tanto с падением качества продукции, сколько с нервическим отношением упомянутой пристрастной публики к собственной культурной верильности. Акунин сегодня остается ровно тем, кем был всю дорогу: блестящим литературным технологом — отменно умеющим тюкать, как молоточком, по тем специфическим центрам удовольствия, какие имеются в головах у начитанных людей. Несмотря на некоторый кризис формы (выражающийся в том числе и в появлении у него пресловутых двухтомников), тюкает он по-прежнему весьма точно, и то, что некоторая часть аудитории вдруг осознала, что получать удовольствие таким образом стыдно, — проблема аудитории, а не писателя.

«Красный петух» — возможно, лучший из романов «провинциального» цикла, которому (в отличие от тех же спаренных «Любовников») большой объем идет на пользу, а самые вкусные и приятные из акунинских штампов представлены как на сборнике all the best — в улучшенном и перемиксованном виде. Тут имеются не один, а целых два в разной степени трогательных профессиональных суперубийцы, сразу несколько разнокалиберных заговоров и занятное описание реконструкции городов-побратимов Содома и Гоморры, осуществляемой на соросовский грант. Ключевой ход несколько сомнителен с точки зрения хорошего вкуса, но всерьез обсудить его невозможно, не раскрыв при этом сложносочиненной и действительно ловкой детективной интриги.

Памятая об акунинской склонности к всевозможным обманкам и злоупотреблениям читательским доверием (взять хоть давнишний его флинт с подзаголовком «последний из Романов» к одной из частей фандоринского цикла — фокус сам по себе нехитрый, но сколько гимназисток при виде той обложки сделалось как полотно), тут следует внести ясность. Подвоха на сей раз нет, «Красный петух» — книжка действительно окончательная. Вроде как сохранив Пелагии жизнь, Акунин вместе с тем выводит веснушчатую расследовательницу из игры способом, который кому-то может показаться даже излишне радикальным. После того что случается с ней в finale, о сестре Пелагии более нельзя сочинять детективов: ее дальнейшая судьба теоретически, конечно, может быть описана — но не Акуниным уже, а каким-нибудь, прости господи, Ником Перумовым.

Все это, как уже было сказано, довольно грустно. Мало того что девушки Пелагии будет не хватать, так еще и невостребованным остается целый ворох отменных названий, которые критики придумывали всем миром, на общественных началах. Пропадают «Пелагия и серый волк», «Пелагия и зеленый эмий» и, конечно же, «Пелагия и голубое сало», предназначавшиеся для возможной коллаборации Акунина с прозаиком Сорокиным. То, что обещало стать долгой и замечательно пестрой лентой, обернулось странным триколором, темным столбиком, на котором черный человек сидит на белой собаке, а красная птица — на черном человеке. Делай с ним что хочешь, понимай как умеешь.